

В воздухе снова рождается трепет поэзии...

— Андрей Андреевич, какие женские имена в русской поэзии вам особенно дороги?

— В XX веке это, конечно же, Ахматова и Цветаева. С одной стороны, стройная, строгая классика, гармоничная, с другой — напряженная, почти мужская поэзия... Недавно, к огромному сожалению, умерла поэтесса Нина Искренко, которая была нашей главной надеждой, амазонкой новой поэзии. Сейчас я готовлю к печати поэтическую антологию, которая открывается Велимир Хлебниковым и заканчивается Ниней Искренко...

— Невольно вспоминается еще одна трагическая судьба — поэтессы Елены Рошиной, погибшей недавно от пули бандита. В одной из газетных публикаций, кстати, ей были ошибочно приписаны ваши стихи... Вас это не обидело?

— Наоборот, эту публикацию я прочел с большим волнением и считаю ее очень нужной. Это крик о жуткой судьбе поэтессы в русской провинции... А недоразумение, видимо, произошло потому, что в дневнике Елены Рошиной были переписаны мои стихи без указания автора, и редакция сочла, что они принадлежат ей. Мне дорого, что она нашла в них свое. Тоску по самопожертвованию в нашем прагматичном мире...

— К счастью, в поэзии появляются и новые имена...

— Да, в воздухе опять зарождается трепет поэзии. Видимо, вакуум в нашем обществе, которое стало слишком запрограммированным, приземленным, не может длиться бесконечно. На мой взгляд, одно из самых многообещающих имен среди молодых — 17-летняя Елена Ухова, чьи стихи недавно впервые опубликовала «Комсомолка».

Уже надоело, когда 40-летние писатели пытаются смеяться 50-летним, выдвывая себя за молодое поколение. Елена — это действительно очень юное существо, у нее есть свежий взгляд. Недавно я прочитал в рукописи ее «клавесинную поэму». Просто удивительно, откуда у этой девочки такая стихотворная техника, музыкальная техника, когда ни одна нота не бывает лишней. Сейчас, к сожалению, молодые поэты порой принимают расхлябанность, некий внутренний разнос за свободу. Для Елены характерна метафизическая крепость формы, скрупулезная точность детали над бездной духа. Я немного суеверен и боюсь говорить такие вещи, но, по моему, как поэт она уже вполне сформировалась...

Беседовал с поэтом
Виктор ШУТКЕВИЧ.

Елена Ухова

Лестница без конца

Фрагменты из Поэмы для клавесина с оркестром

CANTABILE

Нынче луна
обещает быть круглой.
Пусть же скорее
прикусят губы
Флейтовый черешок.
И смуглой
Скрипки от подбородка
— взлет!

Ждет клавесин,
и сопрано распето.
Все, как обычно,
плевали на это.
Ныне и впредь,
до скончания света —
Тот не плюет,
кто уже поет.

Часто плевали.
Терпели. Любили.
Ангелом, курицей,
яблочком в тире —
Для кого чем.
Но пока не купили.
От остального
хранит Господь.

Я не торгуюсь.
Нет, вовсе не трушу.
Просто не смею
тащить наружу
Тот перламутр,
окружающий душу.
Это страшнее продать,
чем плоть.

Те, кто легко
говорит о крылатых
Свиньях, кто обожает
пернатых
На ресторанной тарелке
в шпинате —
Вот кто спокойно
спросит: «Почем?»

Тут каждый волен
выкрикнуть цену,
Каждые — двинуть
по рельсам обмена,
Каждая — томно
раздвинуть колена,
Коль горячо
— то раздеть плечи!

Все в этом мире
жестоко едино,
В теле душа,
а перо из перины.
И наплеватель,
где картон, где картина,
Лишь бы цена
стояла на всем.

Слышишь хрустальную
соль клавесина?
Значит, забудь,
где растет та осина!
Нам задан тон
— высоко и сильно!
Только вот связкам
трудно еще.

DOLCE

В полночь луна
распадалась на дольки.
Скрипка, пожалуйста,
нежная, dolce!
И канифоли лунной
побольше,
Чтобы усталый
тереть смычок!

Да, как устала я
вечно бояться
Где-нибудь в шумной толпе
обознаться,

Всклигнуть, окликнуть,
до слез растеряться
— Ох уж мне этот
судьбы волчок!

Как я устала
играть с простакими,
Видеть твой рот
под чужими глазами,
Знать, что помои
выносят руками
И что без хлорки
в сортирах смрад,

Знать беспощадно,
что пятку босую,
Как целовал ты —
уже не целуют,
В нежность пушистую
ног не обуют...
Да не визжи ты так,

Скрипка, дуреха,
бестолочь, плакса,
Нет ничего, полночь
мажет вакуу
По подоконнику. Нету загса,
Но ведь есть мы, дурак.

Вывившись вовсе из темпа,
из схемы,
Я придерживусь
только выбранной темы —
Dolce! И дальше!
И дальше! И где мы?
Скоро уж утро найдет
свирель.

Значит, пора
поправлять одеяло,
Значит, начнем
непременно сначала.
Спи, моя радость.
А я не устала.
Где колыбельная?
Где колыбель.

На пианиссимо
будет мурлыкать
Виолончель.
И лисенжком диким
Выйдет луна
в луговой гвоздике
Хвост свой повить
и валяться в росе.

Время течет,
как вода, прохладно.
Мальчик мой,
только не пей так жадно.
Музыкой буду,
сиреной, наядой,
Только не пей!
Не старей, как все.

Лучше от кашля
молоко с медом.
Красной полосочкой
бритва восхода
Нам по запястьям
пройдет мимоходом.
Как мы столкнемся —
не я судья.

Но этот шрам
от бессонницы дикой,
Зубы шального лисенка
в гвоздике,
Все — от беззвучья
до пьяного крика —
Только моя партитура. Моя.

VIVO

Здравствуй — дэинь-дэинь!
— дребезжанье трамвая,
Здравствуй,
Вторая моя Хуторская,
Здравствуй, родная,
чужая, живая...
Я же вернулась, моя Москва!

Здравствуй, ликующий
звон колокольный,
Здравствуй, прохожий,
собою довольный,
Град, накормивший
меня своевольем,
Если ты жив — то и я жива!

Vivo! И пусть не тобой
начиналось...
Жалость, конечно,
но глупая жалость —
Там родилось,
а сюда повенчалось,
С ветром примчалось,
с водой пришло...

Дайте цезуру!
— Срывая дыханье,
Я дотянула до...
Выше свиданья!
Я дотянулась
рукой до сиянья
И обняла тепло,

Спящее в смуглой
и худенькой скрипке,
В узкой трубе
и свирелевой зыбке,
Ждущее пальцев,
бесстрашных и гибких...
Помнишь, ночь напролет

Грелась луна
коньяком саксофона,
Пахло гвоздичкой,
и роскошь валтальны
Спорила с тем,
что навеки бесспорно —
Тот не плюет, кто уже поет!

Кисть не устала,
и связкам нетрудно.
В тихой деревне,
в Москве многолюдной
Только в одном
заключается чудо —
Бог от земли
не отвел лица!

И потому сквозь
бумажную хвою
Музыка выбьется
свежей травой,
Радуга станет
ступенькой шестою
В лестнице
Без конца.